

Николай Федоров

Властолюбие или отцелюбие?

«Public Domain»

Федоров Н. Ф.

Властолюбие или отцелюбие? / Н. Ф. Федоров — «Public Domain»,

ISBN 978-5-457-32473-2

«Придавши произволу в мире «сверхчеловека» безусловное значение, ясновельможному пану Ницше уже легко возводить в истину (которую, впрочем, он не признает) все то, что ему нравится, и отвергать то, что ему не по вкусу. Понравилось ему властвование (над себе подобными, само собою разумеется, а не над слепую смертоносною силою), и вот он превозносит его, возводит его в основное начало. На всякий вопрос «почему?» ему следовало бы отвечать кратко и просто: «я так хочу!»...

ISBN 978-5-457-32473-2

© Федоров Н. Ф.
© Public Domain

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

6

Николай Федорович Федоров Властолюбие или отцелюбие?¹

Придавши произволу в мире «сверхчеловека» безусловное значение, ясновельможному пану Ницше уже легко возводить в истину (которую, впрочем, он не признает) все то, что ему нравится, и отвергать то, что ему не по вкусу. Понравилось ему властвование (над себе подобными, само собою разумеется, а не над слепую смертоносною силою), и вот он превозносит его, возводит его в основное начало. На всякий вопрос «почему?» ему следовало бы отвечать кратко и просто: «я так хочу!» Но шляхтич, по рабской своей природе, забывая о своем высоком сане сверхчеловека, снисходит до доказательств. «Всякое живое существо: растение, животное, человек»... (начинает он свою аргументацию, и, конечно, начинает не с начала!) «стремится увеличить свою силу и получить преобладание»... Пусть так! Но наш выродок, укравши это положение у Дарвина, забыл, что прежде, нежели к чему-либо *стремиться*, нужно *родиться*; а родиться значит стать *сыном*, явиться прежде всего как *дитя*, которое уже есть тогда, когда еще не раскрывались половые различия, когда еще не зарождался порок властолюбия. Ренегат сыновнего долга забыл, что сын-отцелюбец предшествует властолюбцу.

«Как! – скажет наш философ, вспомнив, что ему нужно играть эффектную роль сверхчеловека, – как! и мне, сверхчеловеку, нужно родиться? И мне – признать себя сыном человеческим?..» Мы же, видя гнев столь высокой особы, спешим успокоить его, что он может признать себя сыном не немца и пастора, а сыном ляха и магната, и даже не магната, а сыном или потомком обезьяны, что уже никак не может считаться обидным, а с модно-прогрессивной точки зрения должно бы оказаться в высшей степени почетным.

Признает ли Ницше эту генеалогию, нам остается неизвестным; но то остается верным, остается фактом, что даже и он – *сын* и имеет некоторое отношение к *родителям* (иафетическое или хаметическое). Полагаем, что даже и такое неестественное отродие, как Ницше, не отважится после работ Пастера признать себя продуктом самопроизвольного зарождения, тем более, что даже и тогда он не избежал бы *сыновства*: он и тогда был бы сыном, только сыном слепой силы. Забывши, что даже и для сверхчеловека обязательна последовательность и не все ему дозволительно, он рассуждает про себя, нарядившись и аполлоновскую маску, но не потрудившись вспомнить, что Аполлон был *сыном* Латоны, да и у Дениса (Диониса) была мать. «Не хочу отца! это – мифология! (почему же не мифическое искусство?..) Я – ученый, я – профессор; я знаю только отвлеченного человека; я – гуманист и лучше буду гомункулистом, только бы не быть сыном человеческим!..» И вот, «поднявши молот», этот философ поражает сына всех отцов, создавая образчик нового приема философской работы – молотом. Призываемые им «Сумерки богов» уже для него наступили, уже застают его за этою работою. Но полный мрак наступает позднее, когда является проповедник сверхчеловека, то есть убийца братства, поклонник неизбежности, рока («*amor fati*»), то есть смерти отцов, проповедник, обещающий каждому умирающему миллионы миллионов смертей, скрывающихся под именем «возврата» (*Wiederkunft*). И однако этот грядущий ужас в сущности оказывается вовсе не страшным, потому что мы, говорит нам его пророк, уже и в прошлом перенесли миллионы смертей и даже не заметили этого, настолько не заметили, что приходится доказывать самыми отвлеченными аргументами конечность и постоянство элементов, как раз однако (заметим мы) – вразрез с опытною новейшею наукою, для которой и атом перестал быть нерассекаемым, нераздробимым. Конечность же и постоянство атомов есть единственное основание для предположения бесконечных возвратов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.